

Николай Семенович Лесков

Алексей Петрович Ермолов

Лесков Николай Семенович
Алексей Петрович Ермолов

Н. С. Лесков.

Популярные русские люди
Алексей Петрович Ермолов
Биографический очерк

Недавно, представляя нашим читателям биографический очерк графа Милорадовича, мы обещали вслед за ним напечатать очерк другого известнейшего и популярнейшего лица, генерала Алексея Петровича Ермолова. Исполняем это обещание, заимствуя почти все наши сведения из интереснейшей статьи г. Дубровина, помещенной в ноябрьской книжке "Военного сборника".

Ермолов, как и современник его Милорадович, с которым он был почти одних лет, отличался необыкновенною храбростью, доброю, простотою и ласковостию в обращении с подчиненными и был таким же кумиром солдат и любимым народным героем; но по уму, способностям и развитию Ермолов стоит неизмеримо выше Милорадовича.

Ермолов, как и Милорадович, был образован очень поверхностно, но и в этом между ними двумя очень большая разница. Милорадовичу были даны все средства к образова-

нию, - мы видели, что он провел юность в заграничных университетах; но он сам не воспользовался этими средствами, да и вообще, как кажется, не особенно сознавал недостаток своего образования; Ермолов же был почти совсем лишен всех средств образоваться и всю жизнь тяжело сознавал этот недостаток и тяготился им бесконечно.

Оба героя, и Милорадович и Ермолов, симпатичны каждый по-своему; но Ермолов гораздо глубже и серьезнее. Симпатии, возбуждаемые его характером, гораздо солидней симпатий, порождаемых романтически-рыцарственным Милорадовичем. Алексей Петрович Ермолов особенно привлекателен оригинальностью и глубиной своего ума, широтою своего взгляда и меткостью суждений, указывавших в нем человека совсем не дюжинного - человека, отмеченного самою природою, человека, которого умный Кутузов справедливо называл орлом, а лейб-медик Виллие характеризовал, как "homme aux grands moyens". {Человека с большими возможностями (франц.)}

Служебный путь Ермолова далеко не был

усыпан розами, но на нем, наоборот, было набросано много терний. Служебным его неудачам немало способствовало его несомненное превосходство, которого никогда не сносит окружающая посредственность, а частию Ермолову вредил много его злой и как бритва острый язык, которым крутой генерал беспощадно казнил смешные и слабые стороны своих недоброжелателей.

Алексей Петрович Ермолов родился в Москве 24 мая 1777 года.

Отец его был небогатый помещик Орловской губернии, где и служил, между прочим, председателем гражданской палаты, а в последние годы царствования императрицы Екатерины II управлял канцеляриею графа Самойлова.

Мать Алексея Петровича, Мария Денисовна Давыдова, родная тетка известного партизана и поэта Давыдова, была в первом браке за Каховским, и от этого брака у нее был сын Александр. Оба ее сына как бы с самым материнским молоком всосали способность не мириться ни с чем неизменным по натуре. Мать Алексея Петровича, по выражению одного

близкого ее знакомого, "до глубокой старости была бичом всех гордецов, взяточников, пролазов и дураков всякого рода, занимавших почетные места в служебном мире".

Первоначальным учителем А. П. Ермолова был их же крепостной дворовый человек, по имени Алексей, который по букварю и с знаменитою указкою учил грамоте будущего великого полководца.

Отец Ермолова был слишком занят службою, чтобы заниматься сыном; сведущего учителя, которые были тогда и редки и дороги, он не мог ему нанять по недостатку средств, а потому и поместил его сначала в семейство своего родственника, орловского же помещика Щербинина, а потом в дом Левина. Отеческие же заботы о воспитании сына ограничивались тем, что он с малолетства твердил ему о необходимости усердной и ревностной службы.

Неопределенность положения Алексея Петровича Ермолова в семье его родственников заставила отца его отправить сына в Москву, в университетский благородный пансион, где он и был сдан на руки профессору

Ивану Андреевичу Гейму.

Образование, стоявшее в то время вообще на низкой ступени, в последние годы царствования Екатерины приняло еще более ложное направление от нашествия в Россию иностранцев, и в особенности французов. Из всех тогдашних преподавателей не много таких, которых нельзя было, по всей справедливости, назвать шар патанами или невеждами.

- Бедное состояние семьи моей, - говаривал Ермолов, - не допустило дать мне нужное образование. Вознаградить впоследствии недостатка знаний не было времени. (Хотя, добавим от себя, Алексей Петрович Ермолов читал очень много и обладал начитанностью довольно замечательною.)

- Шарлатаны, - говаривал он также, - учили взрослых, выдавая себя за жрецов мистических таинств; невежды учили детей, и все достигали цели, то есть скоро добывали деньги. Между учителями были такие, которые, стоя перед картою Европы, говорили: *Paris, capitale de la France cherchez, mes enfants!* {Париж, столица Франции... ищите, дети мои! (франц.)} -

потому что сам наставник не сумел бы сразу ткнуть пальцем в свой Париж.

Когда по окончании курса учения пятнадцатилетний Ермолов явился в Петербург в чине сержанта Преображенского полка, то, поступив на действительную службу, он по недостатку денег не в силах был тянуться за прочими гвардейскими офицерами, державшими и экипажи и огромное число прислуги, а потому стал искать для себя другого рода службы. 1 января 1791 года Ермолов был выпущен капитаном в Нижегородский драгунский полк, слава которого впоследствии гремела на Кавказе в течение целого полувека. Ермолов тотчас же отправился в Молдавию, где стоял тогда этот полк. Командиром полка в то время был двадцатилетний племянник шефа полка, графа Самойлова, Н. Н. Раевский, представившийся впоследствии в войну 1812 года.

В бытность свою в этом полку Алексей Петрович познакомился несколько с артиллерией. При полке находились полковые пушки, имевшие, как у дяди юного Гамлета, одно специальное назначение, стрелять "в знак осу-

шения бокалов". Раевский возымел мысль дать им более целесообразное назначение: он переделал лафеты и переменял расчет прислуги. За всем этим Ермолов тщательно следил и приспособлялся, но едва только он стал привыкать к фронтовой службе, как вдруг был вызван опять в Петербург по случаю назначения его адъютантом к графу Самойлову.

В Петербурге молодой и красивый адъютант встретил радушный прием. Наружность Алексея Петровича, прекрасная, одухотворенная, внушительная и до самых преклонных дней его старости удерживавшая на себе внимание мужчин и женщин, тогда, в пору его расцвета, привлекала на него всеобщее внимание: он был высокого роста и отличался необыкновенною физическою силою и крепким здоровьем. Его большая голова, с лежащими в красивом беспорядке волосами, маленькие, но пронизательные и быстрые глаза делали его похожим на льва. Взгляд его, в особенности во время гнева, был просто страшен: из глаз его буквально сверкали молнии. Горцы говорили впоследствии о Ермолове: "Горы дрожат от его гнева, а взор его пора-

жает на месте, как молния".

Как человек домашний у графа Самойлова, Алексей Петрович быт: членом высшего петербургского общества и каждое утро слыхивал самые откровенные и бесцеремонные отзывы, как нынче говорят, "высокопоставленных лиц", которые по вечерам наполняли зал у Самойлова и которых там, словно всерьез, просили "принять дань якобы подобающего им глубочайшего почтения". Шестнадцатилетний юноша присматривался не только к тем, которых осмеивали заочно, но и к тем, кто осмеивал их, и по врожденной ему проницательности угадывал все нравственное ничтожество среды, в которой вращался. Прошло очень немного времени, и Алексей Петрович стал открыто относиться к этим людям с едким сарказмом, ирониею и насмешками, что, разумеется, очень скоро наплодило ему врагов. Алексей Петрович Ермолов терпеть не мог немцев и, по-видимому, беззлобно, но непереносно проходил на их счет, где только к тому представлялся хоть малейший повод. Остроты, которыми Алексей Петрович осыпал немцев, переходили из уст в уста и,

конечно, многим не нравились, а "немец немцу, по пословице, всюду весть подавал", и покойный Ермолов под старость не раз говорил шутя: "Нет, господа русские, если хотите чего-нибудь достичь, то наперед всего проситесь в немцы".

Ермолов не мог увлекаться светскою жизнью; он беспрестанно занимался военными науками и назойливо просил графа Самойлова зачислить его в артиллерию, что, наконец, и было исполнено.

Восстание в Польше оторвало Алексея Петровича от его научных занятий: он участвовал в этой кампании и получил орден св. Георгия за штурм Праги.

В следующем году он был отправлен за границу, в Италию, где, будучи прикомандирован к главной квартире австрийского главнокомандующего, участвовал в войне австрийцев с французами. Едва только он успел вернуться в Россию, как в 1796 году принял участие в новом походе персидском, под предводительством графа Валерьяна Зубова.

Начавши службу так удачно, Алексей Петрович с шестнадцати лет приобрел самостоя-

тельность и репутацию, которые сулили ему блестящую будущность. Но судьба неожиданно подставила ему ногу.

Смоленский губернатор сделал донос на Каховского, брата Алексея Петровича по матери. Тот был взят по этому доносу под арест, а вместе с ним был арестован и Ермолов: его взяли и отвезли в Калугу.

Но чуть только Ермолов явился в Калугу к губернатору, ему было объявлено всемилоостивейшее прощение государя и возвращена шпага. Тем не менее, однако, Ермолов счел себя всем этим крайне оскорбленным и требовал от генерала Линденера объяснений, которых тот ему, разумеется, не дал, но зато тотчас же секретно донес о нем как "о человеке неблагонадежном". Последствием этого нового доноса было то, что за Ермоловым в Калугу был прислан из Петербурга курьер, который и отвез его прямым трактом в Петропавловскую крепость, где Ермолов потомился под стражею, а затем он был сослан в Кострому.

Там он нашел другого изгнанника, Платова, впоследствии графа и атамана Войска Донского.

В ссылке Ермолов пробыл целые три года, и это время далось ему не легко. Он был исключен из службы и потерял из виду всех родных и брата своего, Каховского. Знакомые и приятели за немногими исключениями отреклись от него и даже не отвечали на его письма. Таков свет, таковы люди!

Сильный волею, энергический Ермолов, однако, не пал духом от всех этих передраг. От нечего делать он принялся за изучение латинского языка у протоиерея Груздева, читал и переводил Юлия Цезаря и, кроме того, стал учиться играть на кларнете. По восшествии на престол императора Александра I он был освобожден вместе со всеми лицами, замешанными в деле Каховского. Тогда Ермолов приехал в Петербург, но там уже выступили на сцену новые лица и новые интересы, среди которых он был чужим на пиру. Генерал Ламб, президент военной коллегии, впрочем, взялся по старому знакомству похлопотать об Ермолове.

После долгих хлопот и не прежде, чем, по выражению Ермолова, "он наскучил всему миру секретарей и писцов", являясь ежеднев-

но в военную коллегию, Ермолов был принят тем же чином на службу в 8-й артиллерийский полк и получил роту, квартировавшую в Вильне.

Время, проведенное Алексеем Петровичем в ссылке, отразилось навсегда на его характере неизгладимыми чертами. Он стал сосредоточен, задумчив и полюбил уединение.

"Я редко или почти никогда весел не бываю, сижу один дома, - писал он одному из своих друзей. - Я сыскал себе славного учителя на кларнете и страшно надуваю, и полатыне упражняюсь".

Кроме того, аресты и ссылка развили в нем мнительность, и всякая безделица беспокоила его и заставляла страшиться новых неприятностей в том же знакомом роде. Вот один интересный случай, который рассказывает г. Дубровин. Один из офицеров Алексея Петровича проиграл 600 рублей казенных денег. Ермолов тотчас же арестовал его, взыскал деньги с выигравших и, уступив просьбам, а главное, "избегая случая сделать человеку несчастье, сам собою испытавши, сколько тягостно переносить оное", согласился скрыть это дело

и не доносить начальству о проступке офицера. По частному письму его к начальнику офицер был переведен по неспособности в Кизлярскую гарнизонную роту. Офицер обиделся за то, что его признали неспособным, и решил лучше во всем признаться. Ермолов страшно встревожился; ему мерещились всяческие беды за сокрытие преступления подчиненного, и он не прежде успокоился, как тогда, когда офицер согласился не поднимать этого дела и ехать в Кизлярский гарнизон.

"Страшно боюсь я хлопот, - писал он по этому поводу к своему другу, трехлетнее несчастье сделало меня робким".

Отсталое и почти запечатное положение по службе ужасно тяготило Ермолова. Благодаря всему с ним случившемуся прежние товарищи обогнали его в чинах, а ему приходилось прозябать в неизвестности и относительном бездействии.

Не имея ничего определенного в виду, он бросался из стороны в сторону: то хотел перейти в инженеры и сопровождать генерала Анрепа на Ионические острова, то хлопотал о переводе в казаки. (Тогда же, вероятно, ему

пришла и комическая мысль "проситься и в немцы", но тогда ему было не до шуток, к которым он нисходил порою в веселые минуты в старости.) Словом, Ермолов просил отправить его куда-нибудь, выискать для него какой-нибудь подвиг, а не то, писал он, "завалюсь полуполковником; русская пословица: не все хлыстом, иногда и свистом - вот мое правило с давнего уже времени".

Война 1812 года выдвинула Ермолова вперед. Еще в 1806 - 1807 годах Алексей Петрович составил себе известность храброго и замечательного офицера. Он, как говорят, создал артиллерийский строевой устав. Каждое действие Алексея Петровича в бою становилось потом тактическим правилом для артиллерии; он дал ей практические правила построения батарей. Солдаты, смотря на роту Ермолова, выезжавшую на позицию, и на храброго ее командира, бывшего всегда впереди, говорили: "Напрасно француз порет горячку, Ермолов за себя постоит". Ермолов стал любимцем войска, кумиром офицеров и рыцарем без страха и упрека для народа, несмотря на то, что начальство, за исключением Куту-

зова, большею частью неблагосклонно и несправедливо относилось к нему, как будто не замечало его подвигов, и до такой степени умалчивало о них в реляциях, что отец Ермолова, к которому обратился один из почитателей его сына с просьбою выслать его портрет, прославляя его как любимого народного героя, отвечал: "Подвигов героя вашего не видал я ни разу ни в реляциях, ни в газетах, которые наполнены генералами Винценгероде, Тетенборном, Бенкендорфом и пр. и пр."

Начальство не любило Ермолова за независимый, гордый характер, за резкость, с которою он высказывал свои мнения; чем выше было поставлено лицо, с которым приходилось иметь дело Ермолову, тем сношения его с ним были резче, а колкости ядовитее.

Известен ответ его Аракчееву на замечание последнего, что лошади его роты дурны:

"К сожалению, ваше сиятельство, участь наша часто зависит от скотов".

Когда Ермолов был еще полковником, то один из генералов сказал: "Хоть бы его скорее произвели в генералы, авось он тогда будет обходительнее и вежливее с нами".

Однажды во время кампании 1812 года Барклай-де-Толли приказал образовать легкий отряд. Ермолов назначил Шевича начальником отряда, в состав которого вошли казаки, бывшие под начальством генерала Краснова. Шевич оказался моложе Краснова. Платов, как атаман, вступился за своего подчиненного и просил Ермолова разъяснить ему: давно ли старшего отдают под команду младшего, и притом в чужие войска?

- О старшинстве Краснова я знаю не более вашего, - отвечал Ермолов, потому что из вашей канцелярии еще не доставлен список этого генерала, недавно к нам переведенного из черноморского войска. Я, вместе с тем, должен заключить из слов ваших, что вы почитаете себя лишь союзниками русского государя, но никак не подданными его.

Казаки обиделись таким ответом, и правитель дел атамана продолжал возражать Ермолову.

- Оставьте Ермолова в покое, - отвечал Платов, - ты его не знаешь: он в состоянии с нами сделать то, что приведет наших казаков в сокрушение, а меня в размышление.

Но, будучи резок и даже дерзок с высшими, Ермолов был обходителен и вежлив с низшими. Он умел ценить заслуги и до конца дней своих оставался лучшим ходатаем и защитником своих подчиненных. "Ты не худо делаешь, что иногда пишешь ко мне, ибо я о заслугах других всегда кричать умею", - писал он Денису Давыдову, и имел право говорить таким образом. Будучи еще подполковником и командуя ротой, Ермолов поминутно просит то за фельдфебеля, то за рядового, постоянно предлагал разные меры к улучшению их положения и, сознавая сам, что надоедает своими просьбами, все-таки слал письмо за письмом с просьбою то о том, то о другом из своих подчиненных.

Наскучив неблагоприятною службою, на которой все усердие его и все подвиги его никогда по заслугам не оценивались, Ермолов в ноябре 1815 года вышел в отставку и, сдав в Познани свой корпус генерал-лейтенанту Паскевичу, отправился в Россию и поселился в Орловской губернии, в имении старика отца, считая свою службу оконченною. Но назначение его главнокомандующим на Кавказ,

которым он был очень доволен, призвало его к новой деятельности, которая еще более прославила его имя, если только его можно было прославить более славно, чем оно было прославлено в нашем войске и в нашем народе, знающем и величающем Алексея Петровича Ермолова едва ли не более всех отечественных полководцев.

Славу его протрубили не пристрастные газеты, не реляции, которые пишутся в главных квартирах и возвещают то, что желательно оповестить главной квартире, - славу его пронесли во всю Русь на своих костылях и деревяшках герои-калеки, ходившие с Алексеем Петровичем и в огонь и в воду и после за мирным плетением лычных лаптей повещавшие "черному народу", как "с Ермоловым было и умирать красно".

Русская публика, без сомнения, будет очень благодарна г. Дубровину за его попытку воспроизвести некоторые черты из жизни недавно почившего истинного народного русского героя, и доказательством этой благодарности в настоящее время до некоторой степени может служить довольно общее внимание

печати ко всему рассказанному о Ермолове г. Дубровиным. Но во всяком случае сказание это опять еще далеко не удовлетворяет бездны вопросов, поставленных русской любознательности многозначащею личностью Алексея Петровича и странною его судьбою, которую унаследовали за ним и некоторые другие, про которых где-то сказано стихами:

Послать туда таких-то,
Авось их там убьют!

За вскрытие материалов для биографии Алексея Петровича современные писатели берутся уже не в первый раз, но она, как видно, еще жжется... Печаталось нечто и вроде его записок; появлялись и воспоминаньица и материалы; и Л. Н. Толстой не прошел Ермолова молчанием в "Войне и мире" и представил его даже со стороны, не совсем привлекательной в его отношениях к Кутузову ("старому человеку"), которому Ермолов посылал лист белой бумаги вместо донесения; пробовали даже выводить Ермолова и в романах под вымышленными именами. Так, еще при жизни Ермолова, в 1864 году, в одном из выходивших тогда романов, Алексей Петрович, как все

узнали (и чего ныне не отрицает и сам автор), Ермолов был изображен под именем "полного генерала Стрепетова", и там показаны некоторые его отношения к некоторым людям нового толка, а все-таки Алексея Петровича Ермолова в полном и ясно определенном образе все еще нет... "Беспримерный начальник и невозможнейший подчиненный" в нем уже кое-как намечены, но что именно делало этого человека таким и "хорошим, да неудобным", как о нем говорили, - это ждет талантливого разъяснителя, для которого к тому же еще остается и совершенно нетронутой целая долгая полоса жизни Ермолова, полоса, которую он называл своим "московским сиденьем" и гляденьем на "Иерихонского" и других лиц, смущавших своими громкими карьерами тишину его предсмертного заката.

Алексей Петрович Ермолов поистине характернейший представитель весьма замечательного и не скудно распространенного у нас типа умных, сильных, даровитых и ревностных, но по некоторым чертам "неудобных" русских людей, и разъяснение его личности в связи со всеми касательствами к

нему среды, в отпор коей он принимал ту или другую позицию, должно составить вполне глубокую и благодарную задачу и для историка-биографа и для критика. Тому-то, кто сумеет судить о Ермолове правильно и беспристрастно, предстоит завидная доля сказать многое, очень многое "старым людям на послушание, а молодым на поучение".

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОПУЛЯРНЫЕ РУССКИЕ ЛЮДИ

Побудительной причиной для написания биографических очерков о М. А. Милорадовиче и А. П. Ермолове послужил тот интерес к полководцам Отечественной войны 1812 года, который был возбужден в русском обществе успехом романа "Война и мир" Л. Н. Толстого. Очерки Лескова примыкают непосредственно к его статье о "Войне и мире", написанной в том же году. Хотя очерки представляют собой компиляцию работ других авторов, на которых Лесков сам ссылается, они в то же время дают весьма вольную художественную обработку сухого исторического материала. Лесков, как это легко видеть из сопоставления его очерков с источниками, мало интересуется

ся историческими подробностями, документами и т. д., для нею главное - дать живой облик полководцев, их человеческие черты.

"II." АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ЕРМОЛОВ

Биографический очерк

Впервые очерк опубликован в "Биржевых ведомостях", 1869, Л 335, 9 декабря; впоследствии не перепечатывался.

Статья историка Н. Ф. Дубровина (1837 - 1904) "Алексей Петрович Ермолов при назначении его на Кавказ" ("Военный сборник", 1869, Л 11, стр. 19 - 45), на которую ссылается Лесков, являлась главой из подготовлявшегося автором сочинения "История войны и владычество русских на Кавказе".

Изображение Ермолова в очерке Лескова сильно отличается от трактовки этого деятеля, данной им на основе "Войны и мира" Толстого (см. статью "Герои Отечественной войны по гр. Л. Н. Толстому"); этим очерком Лесков внес корректив в свою оценку Ермолова. Очерк в большей степени, чем биография Милорадовича, дополнен размышлениями и оценками писателя, хотя он и не мог коснуться взаимоотношений Ермолова с декабриста-

ми (см. об этом в книге: М. В. Нечкина. Движение декабристов, тт. I - II, М., 1955).

Стр. 158. Лейб-медик Вилие - Яков Васильевич Вилье (1768- 1854), известный врач, шотландец по происхождению; в 1812 году - главный военно-медицинский инспектор русской армии.

Стр. 159. Самойлов, Александр Николаевич (1744 - 1814) - граф, государственный деятель, был одно время генерал-прокурором и государственным казначеем.

Сын Александр - Александр Каховский, впоследствии активный участник смоленского офицерского кружка - одной из преддекабристских организаций (см. М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. 1, стр. 89 - 90).

Гейм, Иван Андреевич (1758 - 1821) - профессор Московского университета.

Стр. 160. Раевский, Николай Николаевич (1771 - 1829) - генерал, герой Отечественной войны 1812 года.

...стрелять "в знак осушения бокалов" - приказывал король в трагедии Шекспира "Гамлет" (акт I, сц. 2).

Стр. 162. Восстание в Польше - восстание

1794 года с целью восстановления национальной независимости Польши, воссоединения польских земель, отторгнутых Пруссией и Россией в 1772 - 1793 годах.

Зубов, Валерьян Александрович (1771 - 1804) - русский генерал, брат известного государственного деятеля П. А. Зубова (1767 - 1822), фаворита Екатерины II.

...донос на Каховского... - Об Александре Каховском см. примечание к стр. 159; А. П. Ермолов был арестован по этому делу дважды: сначала в ноябре 1797 года и затем в конце 1798 года; был освобожден лишь после смерти Павла I.

Платов, Матвей Иванович (1751 - 1818) - прославленный русский генерал, атаман Донского казачьего войска; при Павле I по доносу был арестован, сослан в Кострому, а затем заключен в Петропавловскую крепость; вскоре был освобожден и возвращен на командную службу.

Стр. 164. ...хотел... сопровождать генерала Анрепа на Ионические острова... - На Ионических островах, взятых русскими войсками в 1799 году, постоянно находилась эскадра и от-

ряд русских войск; дивизия генерала Р. К. Анрепа (убит в 1807 году) была там в 1801 году.

Стр. 167. ...в одном из... романов... - Речь идет о романе Лескова "Некуда"; этим устанавливается прототип образа генерала Стрепетова (см. наст. изд., т. 2, стр. 391 - 405).

...называл своим "московским сиденьем"... - Имеется в виду жизнь Ермолова после увольнения его в отставку Николаем I.